

Сев. Кирьянур

Известно, сколь творчески жаден и беспощаден к себе в работе был Евгений Багратионович Вахтангов, чувствующий краткость своего земного бытия. Он работал во многих студиях, готовно шел туда, где его ждали молодые. Мансуровская на Арбате — была собственной, главная, своя. Здесь он оформился как уникальный театральный мыслитель, экспериментатор, педагог, пошедший не только вослед, но в каких-то моментах и далее своего учителя Станиславского.

В дни юбилея хочется верить, что придет время и будут наконец созданы настоящее научное исследование принципов и методов вахтанговской педагогики, научная «биография» его, вахтанговской школы. Тем более что Вахтангова — педагога, воспитателя актеров — знают куда меньше и менее точно, чем иных его выдающихся коллег.

Говорить о заслугах Училища имени Б. В. Щукина, блестящей плеяде его питомцев вроде бы и излишне. Имена Бориса Щукина, Бориса Захавы, Рубена Симонова, Цецилии Мансуровой, Анны Орочко, Елизаветы Алексеевой вписаны в историю советского театра навечно, Николая Гриценко, бывшего «сверхталоном» вахтанговского в искусстве актера, незабвенного и неограниченного по достоинствам его великого таланта ни при жизни, ни после смерти. Кто не знает корифеев современной вахтанговской сцены — Юлию Борисову, Миханла Ульянова, Юрия Яковлева...

Но вахтанговское сосредоточено не только в стенах его театра. Оно множится, растет на разных направлениях сегодняшней театральной жизни. Оно — в фантазмагорических видениях человеческого крушения в горьковском «1 варианте «Вассы Железновой» режиссера Анатолия Васильева. В мощном эпизме, воссоздании высокой народной нравственности и жертвенности — в «Братьях и сестрах» по Ф. Абрамову ленинградца Льва Додина. Вахтанговское — в свободе и раскованности режиссерского «соавторства» литовца Эймутаса Некрошюса, во всечеловеческом содержании его сценических композиций. Вахтанговское — в смелом оправдании эксцентриады Марка Захарова, в утверждаемой им идее синтетического театра. Ю. Любимов и политический, трагедийный, поэтический, философский Театр на Таганке — это тоже Вахтангов сегодня.

Времена меняются. Ныне не лучшие годы ни нашего театра, ни нашей школы. Не потому ли нам чаще нужно вспоминать о Вахтангове, о его творческом и нравственном наследии?

Разве не подходит, не созвучно нам сегодня сказанное им семь десятилетий назад: творить не вместо на-

рода, а вместе с народом. Или его требование оправдания и наполнения каждого мгновения человеческого бытия. Вахтангов строил свое учение на творческой и интеллектуальной самостоятельности человека, на вере в безграничность человеческих возможностей, которые нужно умело и бережно раскрывать.

наше бескультурье, фамильярность и грубость, вьезшиеся в наш повседневный быт, властвуют и над студийцем, будущим актером. Часть этой грубости вольно или невольно привносится на сцену. Как защитить, оградить студента от этого?

И снова слушаем Вахтангова. Тяжело больной, накануне ухода из жизни, в сана-

традиционные капусташки. Для нас это не только развлечение и удовольствие. Капустники — путь к актерской свободе, к вольности интуитивных озарений: это пир фантазии, это небоязнь зала, легкость вступления со зрителем в живой контакт, что входит как обязательное составное в систему актерской игры.

дьями профессиональными. Отсюда такое обилие плохого вкуса, нарушений меры, художественного самоконтроля на нынешней студийной сцене.

Вахтанговская школа в разные периоды давала основания и начала не одному новому талантливому театральному организму. В ней родился театр Юрия Любимова. Молдавский курс училища стал в Кишиневе двойником московского «Современника» — театром «Лучафериул». Жаль, что счастливые творческие годы этого замечательного коллектива далеко позади. Ныне родились и начали работу студия под руководством Е. Симонова, студия профессора А. Поламишева.

Но все наши заботы, все тревоги — о Вахтанговском театре. Недавно сменилось художественное руководство. Идет оживленная репетиционная работа. Мы думаем, что роль школы в обновлении актерских и режиссерских кадров большой вахтанговской сцены отнюдь не второстепенна. Может быть, именно школа не позволит вахтанговскому коллективу повторить судьбу многих наших театральных академий, ныне существующих, лишь как погасшие звезды. Вот если бы только связи крепче, визиты актеров и руководства театра регулярнее, отношение внимательнее. Приходят же они в основном на выпускные спектакли, а надо бы смотреть актерскую и режиссерскую молодежь куда ранее, начиная со второго, третьего курса. Есть ощущение, что театр подчас пропускает лучших выпускников, следуя какому-то стандарту подбора на вахтанговскую сцену.

Стало почти правилом в бедах театра винить школу. И культура-то в ней упала, и педагогов хороших нет, и методика искажена, и традиции забыты... Что можем мы сказать в свою защиту? Попробуем пофантазировать. Составим некую труппу из давних и недавних выпускников-вахтанговцев: Мионов, Демидова, Гундарева, Дорошина, Славина, Волков, Яковлева, Дмитриева, известная киноактриса Зайцева, Самойлова, Зонненшталь, Рябова. Фантастическая по силе получилась бы труппа!

Школа зависит от театра, падает в уровне вместе с театром. Это ситуация распространенная. Куда более редкая, но необходимая, — когда школа удерживает театр, когда театр возрождается через школу.

История нашей отечественной сцены МХАТа, студийных опытов великого Евгения Вахтангова говорит, что так было, так должно и может быть.

Владимир ЭТУШ,
ректор Театрального
училища имени
Б. В. Щукина, народный
артист СССР.

Слушая

К 75-ЛЕТИЮ
ТЕАТРАЛЬНОГО
УЧИЛИЩА
ИМЕНИ

Б. В. ЩУКИНА

Вахтангова

Смысл и существо вахтанговской системы воспитания актера в ее целостности, в нераздельности духовно-нравственного и профессионального начал. Двойная мораль — слова и поступка для себя и для окружающих — была ненавистна ему. И здесь он нам, столь долгие страдавшим от лжи, союзник и современник.

Вахтангов мечтал вырастить не только прекрасных актеров-профессионалов. Дилетантизм в любом, даже малом его проявлении он отвергал. Человек своего времени, эпохи максимального напряжения духовных и умственных сил русской интеллигенции предреволюционных лет, остро и тонко чувствующий красоту, Вахтангов хотел воспитать особенных людей, «аристократов духа». И в этом своем стремлении преуспел. Его друзья, соратники, ученики — единомышленники из I студии МХТ, его питомцы — мансуровцы первого «призыва» — прожили жизнь в искусстве нравственно высокими личностями.

Вахтангов не боялся почти монастырской строгости студийного устава. После революции его за это сильно ругали. Теперь ясно, что ничего дурного здесь не было. Было отторжение от пошлости, от обыденщины, ощущение школы-дома, общей семьи, высокого юношеского содружества.

Сегодня мы лишь вздыхаем по этой идеальной легенде. Улица, толпа, общее

настроение в Всехсвятском он набрасывал программой практических занятий со студийцами, будущих лекций: о сценическом ритме, театральной пластике, жесте, о сценизме — пластичности, театральной общении, о режиссерской архитектуре — в построении пьесы, построении мизансцены и т. п. Он не уставал говорить и о важности самой атмосферы в студии, на уроках, в совместном существовании педагогов и учеников. Он хотел, чтобы в студии ученику было бы лучше, чем дома, чем в любом другом месте.

Как ни печально, но атмосфера эта исчезает в вечной нашей сегодняшней спешке, в невозможности сосредоточиться, взглянуть в себя, познать близких. Все куда-то спешим. Педагоги посреди учебного года едут на край страны или за рубеж по важным заданиям СТД или министерства. Студенты отправиваются на съемки. Где-то кто-то дает консультации, интервью, присутствует на престижном приеме... А ведь было иное...

Вахтангов чаще жил, начинал в маленьком помещении студии, чем в своей квартире неподалеку. Жил в I студии МХТ и жил студийцем его старший друг, его соратник, единоведец Сулержицкий.

В последнее время мы в Щукинском училище много думаем об этом: о возвращении общих встреч, собеседований, диспутов, о наших праздниках. Мы вернули

«Традиции — это плечи предшествующих поколений». Суждение принадлежит Г. А. Товстоногову. Вот почему при всех наших сложностях мы неизменно бережем педагогов-ветеранов, мастеров старшего поколения. Едва ли не каждый год ищем и находим среди студийцев тех, кто отмечен даром театральной педагогики. И здесь один из существенных заветов Вахтангова. У него старшие ученики очень рано начинали работать с младшими. Воспитывались одновременно и талантливые актеры, и талантливые педагоги.

Что тревожит сегодня? Театральная школа зависит от школы образовательной, уровень общей культуры абитуриентов за редким исключением крайне низок. Коллоквиумы-собеседования, которыми в Щукинском училище завершается конкурс, нередко превращаются в тяжелое испытание и для педагогов, и для поступающих. И жаль, что предельно-гуманитарную неграмотность, неразвитость вкуса обнаруживают способные люди, имеющие право на профессию.

У нас сегодня нормальное движение школа — студия — театр нарушено. В самом понятии студийности, как оно трактуется нашей печатью, много путаницы, профессиональной невнятности суждений. Любительские новообразования со слабым актерским составом, беспомощной, но очень смелой, даже нахальной и малокультурной режиссурой спутаны со сту-